

М.С. Горбачев: Природа нашего государства и направленность его политики остаются социалистическими

После XXVIII съезда КПСС, осенью 1990 г., социально-политическая ситуация в СССР становилась все более накаленной. Признавая, что «события надвигаются быстрее, чем можно было предвидеть», М.С. Горбачев предупреждал о «признаках движения к хаосу, к анархии», но делал ставку на то, что «ситуация в стране содержит и огромный позитивный потенциал». *(Из выступления на встрече с деятелями советской культуры, 29 сентября 1990 года. М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 22. С. 215.)*

В этот критический для перестройки период продолжались встречи и беседы М.С. Горбачева с лидерами европейских социал-демократов. Они открывали для КПСС перспективу все более широкого взаимодействия с партиями Социалистического Интернационала и обогащали идеями концепцию социализма, которая должна была стать основой новой программы КПСС.

Со своей стороны, социал-демократы продолжали поддерживать политику перестройки и ее лидера, связывая с успехом горбачевских преобразований надежды на распространение и рост влияния социал-демократических идей в СССР, Европе и мире.

«Высоко оцениваю диалог, который мы ведем и лично, и на партийном уровне».

21 сентября 1990 г. М.С. Горбачев встретился с заместителем председателя Социал-демократической партии Германии Оскаром Лафонтеном и членами делегации СДПГ. *(Запись беседы М.С. Горбачева с О. Лафонтеном. АГФ.)*

М.С. Горбачев назвал встречу с О. Лафонтеном «продолжением уникальных отношений» между КПСС и СДПГ и особо подчеркнул, что «в

контексте происходящего» возросла «совместная ответственность» обеих партий «за сохранение социалистической идеи, причем не где-то «в погребке», а в плане ее продвижения в жизнь». Эти слова Горбачева, сказанные в начале встречи, свидетельствовали об идейной и политической близости ее участников.

М.С. Горбачев: «Многие хотели бы выдать происходящее сейчас в Восточной Европе, в Советском Союзе за крах социалистической идеи. Я придерживаюсь другого мнения: рухнула утопическая, волюнтаристская, навязанная версия претворения этой идеи в жизнь. Мы осмысливаем перспективу движения в рамках социалистического выбора, в контексте мировой цивилизации, отходя от модели двухлагерного мира.

... Мы вступаем из одной эпохи в другую. Судьба распорядилась так, что в центре перестройки ее инициаторами стало нынешнее руководство. Я остаюсь приверженцем социалистической идеи. Это - мое внутреннее убеждение, суть. Будучи демократом, выступаю за социальную справедливость, за власть, не отчужденную от человека труда, за миролюбивую политику, международное сотрудничество.

Весь процесс реформ в обществе идет под воздействием именно этих взглядов».

Лафонтен поддержал сказанное Горбачевым и отметил, что в новой программе СДПГ сделан важный шаг в развитии социалистической идеи с учетом современных реалий: «Хотел бы продолжить диалог о социалистической идее. По прошествии времени она трансформируется, однако основной смысл и цели остались прежними. Приняв на последнем съезде СДПГ новую программу, мы многое изменили, но не отказались от целей. В нее введено новое понятие труда. Оно трактуется по-новому, более широко, включая в себя не только промышленных рабочих, но и весь оплачиваемый наемный труд в целом. За это нам основательно досталось от наших профсоюзов».

Горбачев считал, что сотрудничество КПСС с немецкими социал-демократами «будет положительно сказываться на динамике и масштабах

перемен» и в Советском Союзе, и в Германии, поскольку обе страны переживали трудности переходного периода своей истории. Горбачев выделил вопрос об экономической реформе, который был одним из ключевых для успеха перестройки. Он сказал, что «в Советском Союзе вплотную подошли к рынку», то есть к трудно разрешимой в советской реальности проблеме соединения социалистической идеи с институтом частной собственности. Опыт социал-демократии приобретал здесь особое значение.

М.С. Горбачев: «Мы в Советском Союзе вплотную подошли к рынку. Это видно и по бурным дискуссиям. Не хватает только, чтобы премьер разошелся с Президентом. Мы будем вводить рыночные механизмы, пойдем в сторону приватизации. Последнее означает для нас не замену тотального господства государственной собственности на тотальное господство частной собственности, а замену собственника. Имеем в виду возникновение свободных ассоциаций производителей. Формы могут быть разные: акционерные, кооперативные, арендные. Социалистическую идею соединяем, таким образом, с частным интересом производителя.

Предстоят меры по демонополизации, созданию новых инфраструктур, предполагаем улучшить законодательство об иностранных капитальных вложениях. На выходе закон о предпринимательстве. Видимо, приблизим подход и к решению проблемы конвертируемости рубля, с тем чтобы поставить сотрудничество на здоровую основу».

Встреча Горбачева и Лафонтена происходила в период, когда, по выражению Горбачева, «история вдруг ускорила ход движения». В Европе стремительным темпом шел к завершению процесс объединения Германии, и возникла настоятельная потребность в его «большей синхронизации с общеевропейским процессом, в частности путем создания новых структур безопасности в рамках СБСЕ». (М.С. Горбачев. *Жизнь и реформы. Книга 2. С. 177.*)

Объединение Германии должно было состояться 3 октября 1990 г., то есть через две недели после встречи Горбачева с Лафонтеном. Основанием для

объединения был государственный договор Германии и Германской Демократической Республики, заключенный 31 августа 1990 года.

В мемуарах «Жизнь и реформы» Горбачев вспоминал, что в течение этих месяцев, «каждая из основных партий — ХДС/ХСС, СДПГ, СВДП — развернула бурную деятельность в пользу объединения Германии. Различие их тактики сводилось в основном лишь к темпам и формам такого объединения». *(М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 2. С. 169.)*

Немецкие социал-демократы считали, что объединение Германии должно происходить в рамках процесса европейской интеграции, с участием в нем Восточной Европы и Советского Союза. Лафонтен обосновывал это, исходя из сложившейся в Европе и в Германии политической ситуации: «Сейчас наблюдаются особенно сильные импульсы, толчки в сторону интеграции, и нациям нужно учиться думать по-новому. В Германии тоже идет перестройка, хотя и иного, чем у вас, характера. В ее ходе сталкиваемся с большими проблемами. Важно не повторить ошибки прошлого. Процесс европейской интеграции должен идти в рамках СБСЕ вместе с Советским Союзом...

Такая позиция немецких социал-демократов была созвучна взглядам Горбачева на объединение Германии и европейский процесс.

«Полностью согласен. Я был сторонником более постепенного объединения. А вы - внутри - не справились. Было много спонтанного. Нам нужно было делать выбор, и выбор непростой. Поскольку не все удалось канализировать, пришлось принимать решение в пользу поворота всего процесса в международные рамки. Думаю, мы поступили правильно, не заняв негативную позицию. При всех перипетиях процесс немецкого объединения идет по главному руслу, в чем-то даже подталкивает европейский процесс, выводит отношения между нашими народами на новую фазу. Наша политика в целом остается прежней в том, что касается общеевропейского контекста.

... Наш выбор сделан - двигаться к европейской общности.

...То, что происходит сейчас в Европе, как в Восточной, так и в Западной, во многом определяет дальнейшее развитие вне нашего

континента. Опыт, интеллектуальный потенциал, исторические корни, политическая культура Европы могут дать положительные импульсы. Особенно, если удастся объединить наши ресурсы. Я - русский, советский, все сильнее чувствую себя европейцем».

Принципиально важной частью беседы было обсуждение конкретных вопросов, связанных с переходным периодом, сопутствующим объединению Германии. Благодаря отношениям «нового доверия», которые в годы перестройки сложились между КПСС и СДПГ, М.С. Горбачев, О. Лафонтен и члены делегации немецких социал-демократов смогли в ходе встречи перейти к выработке общей позиции, гарантирующей будущее советско-германских отношений и мирное будущее Европы.

Фелипе Гонсалес: «Вы идете на глубочайшую революцию, которая когда-либо была в вашем обществе».

26 октября 1990 г., во время официального визита Президента СССР в Испанию, в Мадриде состоялась беседа М.С.Горбачева с Председателем правительства Испании Фелипе Гонсалесом. (Запись беседы М.С.Горбачева с Ф.Гонсалесом. АГФ.)

Это была вторая беседа между М.С. Горбачевым и Ф. Гонсалесом (первая состоялась 20 мая 1986 г.), и на протяжении четырех лет они вели переписку. Их объединяла приверженность социалистической идее, определявшая, по выражению Горбачева, «дух искренности и взаимного уважения», который пронизывал общение двух лидеров.

Осенью 1990 г. вопрос о прекращении гонки вооружений и ликвидации угрозы ядерной войны, который был в центре первой встречи Горбачева и Гонсалеса, вышел на принципиально новый уровень – теперь речь шла об окончании холодной войны.

М.С. Горбачев: «С тех пор произошли действительно крупные, принципиальные изменения. Другими стали и Испания, и СССР, и Европа, и весь мир. Теперь надо все это закрепить, чтобы на

драматическом повороте от "холодной войны" к новому устройству мира позитивные процессы не захлебнулись.

Поколение политиков, находящееся сегодня у власти в ведущих странах мира, оказалось способным понять друг друга, уловить исторические импульсы к выходу на новое качество международных отношений. Колоссальные изменения, в орбите которых оказался сегодня мир, в значительной степени связаны с проявленным ими здравым смыслом.

... Раньше мы могли доверительно обмениваться мнениями только с Вами, г-н Гонсалес, - Вы и тогда уже многое понимали; еще с несколькими деятелями Запада. Сегодня такой диалог идет с большинством политиков и, что особенно существенно, - с широким слоем политических деятелей США. Нет сейчас важнее задачи, чем удержать позитивное направление в развитии международных отношений».

В начале встречи Ф. Гонсалес поздравил М.С. Горбачева с присуждением ему Нобелевской премии мира. *(15 октября 1990 г. Президенту СССР Михаилу Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира за вклад в мирный процесс в отношениях между Советским Союзом и западными странами.)* Поблагодарив за поздравление, Горбачев заметил, что он рад этому событию еще и потому, что Нобелевская премия мира уже во второй раз присуждается приверженцу социалистической идеи. *(Девятнадцать лет назад, в 1971 г., Нобелевскую премию мира получил социал-демократ Вилли Брандт).*

М.С. Горбачев. Я считаю, что это еще одна премия для социалистов.

Ф. Гонсалес. Да, безусловно, так.

М.С. Горбачев. Посол Норвегии в СССР, сообщивший мне об этом решении, именно так и расценил его. По удивительному совпадению этот посол, тоже социалист, был послом в ФРГ, когда Нобелевская премия была присуждена В. Брандту. Он связал эти два акта и подчеркнул, что Нобелевская премия и на этот раз присуждена социалистической идее.

В центре беседы Горбачева и Гонсалеса была ситуация в СССР, где в это время в практической плоскости решался вопрос о переходе к рынку. Главной

болевым точкой являлось то, что в стране углублялся социально-экономический кризис, который превращался в политический. Это осознавалось М.С. Горбачевым и наиболее близкими ему членами команды реформаторов.

Так, А.С. Черняев, описывая политическую ситуацию в стране непосредственно накануне визита М.С. Горбачева в Испанию, выделял активизацию сепаратистских движений в Молдавии и Татарстане и публичные разногласия по поводу программы, которую Горбачев обсуждал с ведущими советскими экономистами. Черняев обратил особое внимание на то, что оппозиционность по отношению к КПСС резко усилилась и приобрела организованную форму на [съезде демократов, состоявшемся 20—21 октября 1990 года](#). «Съезд «Демократы России» создал массовую оппозицию КПСС и вынес резолюцию: в отставку и президента, и правительство, и Верховный Совет СССР». (А.С. Черняев. «Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972 -1991 годы». С. 883.)

В совокупности эти события и возрастающие экономические трудности, с которыми столкнулось все население страны, ставили под удар завоевания перестройки и грозили ее срывом. Это вело и к разрушению планов создания более гармоничного, солидарного мирового порядка – важнейшей составляющей политики нового мышления, которую изначально поддерживала международная социал-демократия.

Понимание рисков переломного этапа перестройки в Советском Союзе и того, что неуспех перестройки может резко негативно сказаться на общей ситуации в мире, в том числе на перспективах социал-демократии, - придали беседе Горбачева и Гонсалеса настоящий драматизм.

М.С. Горбачев: «В Вас я вижу своего товарища по социалистическому движению, который лучше всех других понимает суть происходящего в Советском Союзе. Я внимательно слежу за тем, что Вы говорите о наших реформах, о перестройке. И высоко ценю понимание Вами важности ее для мира. Вам

принадлежит очень точная формула: каким будет СССР после перестройки, таким будет и мир».

Гонсалес, собиравшийся на следующий день после встречи с Горбачевым в Рим, на внеочередную сессию Европейского Совета, напрямую задал вопрос: «Что может сделать сегодня Испания, что могу сделать лично я завтра в Риме, чтобы обеспечить поддержку Европейских Сообществ реформам в Советском Союзе?»

Видя искреннюю заинтересованность Гонсалеса – «товарища по социалистическому движению» - в успехе перестройки и его стремление реально помочь в продолжении реформ, Горбачев откровенно описал ситуацию, в которой оказались реформаторы, и поставил вопрос о финансовой помощи (кредитах) со стороны западных стран:

«Мне представляется, что в какой-то степени мы повторяем за вами (за Испанией) путь из одного состояния государства, экономики, общества в принципиально иное состояние.

... Мы начали движение к рынку. В ближайшие недели будут приниматься указ за указом, которые обеспечат постоянный процесс перевода экономики на рыночные рельсы... Здесь не обойтись без болезненных мер. Однако выхода нет: иначе к той социальной напряженности, которая уже существует в обществе, добавится много всего еще - и похуже.

Ключевым элементом является наша большая потребность в свободных финансовых средствах, срочно необходимых для маневра на самом ответственном этапе. Нам нужны средства для поддержания товарообмена с западными странами, для закупки некоторых видов сырья, товаров широкого потребления на внутренний рынок. Нам нужны средства для приобретения оборудования, для модернизации легкой и пищевой промышленности, опять же чтобы срочно насытить рынок. Нам нужны, наконец, несвязанные кредиты для упорядочения финансового положения страны.

... Иначе говоря, нам необходима финансовая помощь по трем указанным мною направлениям. Мы должны снизить болезненность стабилизационных мер в экономике, и тогда в советском обществе появится другое отношение к рынку. В противном случае ситуация может сложиться драматическим

образом. Вот почему помощь необходима именно сегодня, а не когда-то в будущем.

... Сегодня время ответственных решений. Если будут допущены проволочки и с нашей, и со стороны Запада, то без серьезных негативных последствий не обойтись. Мы надеемся на практические решения с вашей стороны. К тому же ведь речь идет именно о кредитах, а не о каких-то безвозвратных дарах. Нам необходимо "обернуться" в ближайшие два-три года.

... Словом, желательно, чтобы в Риме позиция Фелипе Гонсалеса стала позицией ЕС».

Обсуждение практических задач и огромных препятствий на пути реформаторской политики Горбачева превратилось в диалог лидеров двух стран – убежденных социалистов – о противоречии между, с одной стороны, рыночной логикой, захватившей общества, порывающие с тоталитарным порядком, и с другой стороны, ценностями социальной справедливости и политической демократии.

Горбачев сформулировал это так: «Переход к рынку ставит острый вопрос о верности социалистической идее». Для него, в отличие от социалистов-ортодоксов, ответом на этот вопрос был не отказ от рынка, а преодоление тоталитарных искажений идеи социализма и движение к его истинной сути – «свободе, развитию демократии, созданию условий для лучшей жизни народа, к возвышению человеческой личности». Горбачев рассказал Гонсалесу, что 24 октября 1990 года, за два дня до их встречи в Мадриде, он выступил в Москве, на XIX съезде профсоюзов, где высказал свое убеждение: при всей «глубине поворота», через который проходит советское общество, социализм должен оставаться ориентиром.

«Тот, кто подозревает, что Горбачев против социализма, не прав. Я против казарменного социализма, против тоталитарного государства, которое подавляет человека. Это что, социализм? Это... извращение социалистической идеи. Социализм — это справедливость, равенство, свобода. Это организованное общество, где есть демократические институты, механизмы, которые сохраняют и поддерживают правовой порядок. Нам до этого еще далеко. Но не надо под впечатлением бед, которые нас

сопровожают, теряться, впадать в панику. Надо понимать глубину поворота, через который мы проходим». *(Из выступления М.С. Горбачева на XIX съезде профсоюзов. М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 22. С. 294-295.)*

Горбачев полностью осознавал опасность срыва преобразований, реставрации советской командно-административной системы и того, что это приведет не только к поражению реформаторов в СССР, но подрвет международное рабочее движение и нанесет удар идее социализма. Об этом Горбачев предупреждал Гонсалеса во время их беседы.

«В случае неудачи перестройки возврат к существовавшей ранее системе может произойти очень быстро - ее элементы еще сохраняются, как сохранились и кадры, воспитанные в этой системе, и инструменты манипулирования людьми. Они быстро завинтят гайки и восстановят командно-административную систему. Для всех это будет серьезнейшим поражением. Будет нанесен удар по всему международному рабочему движению».

Отвечая Горбачеву, Гонсалес высказал убеждение в том, что борьба за социализм не должна прекращаться и в случае ее неудачи в конкретном обществе: «Провал одного опыта, одной конкретной модели - не значит, что проблемы, вызвавшие к жизни эту попытку их решения, ушли сами по себе. Эти проблемы сохраняются. Сохраняется необходимость борьбы за социальную справедливость против маргинализации в обществе, против сверхэксплуатации. Все эти проблемы требуют ответа, исходя из необходимости социальной справедливости».

Гонсалес объяснил, что опыт руководства правительством Испании убедил его в искусственности идеи абсолютного противостояния капитализма и социализма, на чем продолжали настаивать ортодоксальные социалисты («в течение многих лет, в значительной степени искусственно, мы поддерживали такой антагонизм»). В то же время социал-демократические убеждения в сочетании с политическим опытом давали Гонсалесу все основания утверждать, что рыночная экономика отнюдь не тождественна демократии и

не может быть целью социалистов: «Сейчас я испытываю интеллектуальное отвращение, когда мне приходится, например, читать в документах "семерки" пассажи, в которых на один и тот же уровень ставятся проблемы демократии, свободы человеческой личности и идеологии рыночной экономики. Для меня как для социалиста такое сравнение неприемлемо... Как руководитель правительства я применяю на практике методы рыночной экономики, но я не могу признать и не признаю за ней права быть синонимом демократии. Не говоря о Франко, даже Пиночет смог доказать, что жестокая диктатура вполне может сосуществовать с рыночной экономикой. Демократический плюрализм, конечно, предполагает и экономическую свободу. Однако было бы логической ошибкой полагать неизбежной обратную связь. Это совершенно разные вещи. ...Рыночная экономика - это лучший инструмент для достижения наших главных целей, но не сама цель».

Гонсалес обосновал принципиальную позицию социалистов, которая состояла в том, что необходимо ограничить рыночную сферу: «Рынок никак не может отвечать, например, в таких важнейших вопросах, как политика в развитии здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения. Чистый рынок просто не способен решить задачи, которые мы ставим перед собой в этих областях... В Испании за 80-е годы мы сумели обеспечить три основных социальных института для всех без исключения граждан общества. Я бы сказал, что нам удалось выполнить три великие цели социализма XX века: мы дали бесплатное здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение каждому гражданину».

Полностью разделяя высказанное Гонсалесом социал-демократическое понимание инструментальной роли рынка, Горбачев развил его применительно к реформе отношений собственности, которая началась в Советском Союзе:

«Господин Гонсалес, Вы высказали одну очень глубокую мысль: нельзя путать цели и инструменты для их достижения. Это тот

перекресток, где особенно много путаницы и в политических кругах, и в общественном сознании. Действительно, о рынке сейчас у нас в обществе многие говорят как о самоцели. В последнее время мне постоянно приходится подчеркивать, что это всего лишь способ достижения определенных целей.

... Реформа отношений собственности не понимается нами как цель политики. Такой конечной целью должен быть и является отныне человек и его место в обществе. При господстве государственной собственности человек не ощущает себя хозяином. Он не заинтересован ни материально, ни духовно в саморазвитии. Необходимо добиться перенесения центра тяжести социальной политики на человека. И в этом должен состоять принципиальный подход настоящих социалистов».

Подхватив высказанную Горбачевым мысль – о том, что Советский Союз повторяет испанский путь «из одного состояния государства, экономики, общества в принципиально иное состояние», - Гонсалес остановился на уроках переходного периода в Испании. Они имели существенное значение для понимания и решения проблем, с которыми в перестройку столкнулись советские реформаторы.

Гонсалес признал, что, несмотря на широкую международную поддержку становящейся испанской демократии, с 1975 по 1985 годы страна прошла через серьезнейшие экономические трудности: «Наши внутренние капиталовложения держались на нуле или сводились с минусом, иностранные капиталовложения в лучшем случае были заморожены, и даже начался их отток». Гонсалес назвал настоящим испытанием «экономический кризис, когда в 1983-1984 гг. правительство оказалось перед целым рядом тяжелейших проблем», и подчеркнул, что нельзя было миновать продолжительный переходный период: «Только в 1985 году показался свет в конце туннеля, т.е. только через 10 лет после смерти Франко». Гонсалес сформулировал важный урок, который получила его страна, выбрав путь преобразований: «Инвестиции приходят только тогда, когда появляется ясность в политической ситуации. Таков наш опыт десяти очень тяжелых лет с 1975 по 1985 годы».

Гонсалес проявил настоящее понимание целей и рисков переходного периода, который переживало советское общество: «Реформы, которые осуществляются сегодня, несут надежды и открывают путь к выходу из тупика. Однако соответствующие целям реформы структуры еще далеко не доказали свою эффективность. В историческом смысле вы переживаете переломный момент».

Это было точное понимание сути происходящего в Советском Союзе, с чем не мог не согласиться М.С. Горбачев. Он признал, что в период перехода из одной системы в другую обострился целый комплекс проблем, дестабилизирующих общую ситуацию, поэтому реформаторы вынуждены безотлагательно, «не затягивая переход», решать одновременно задачи радикальных преобразований экономики и системы власти в многонациональном государстве. Это многократно увеличивало риск дестабилизации страны.

«Вы совершенно справедливо затронули тему переходного периода. С точки зрения научного и политического анализа мы в Советском Союзе вышли из одной системы и еще не вошли в другую. Обостряются экономические, политические и национальные проблемы. Наш корабль в дрейфе, нас тошнит. Тем более необходимо не затягивать переход, не допускать дальнейшей дестабилизации, быстрее осваивать новые формы жизни.

... Наше общество является исключительно сложным организмом, перегруженным иждивенчеством, уравнительными настроениями, дефицитами политической культуры. Без учета всего этого нет анализа, нет серьезной базы для серьезной политики.

Мы вошли в фазу серьезнейших реформ в экономике, затрагивающих ключевые моменты отношений собственности и других основных форм экономической жизни. Одновременно мы решаем задачи по реформированию структур власти в условиях многонационального государства. Все эти задачи должны быть решаемы только вместе».

Гонсалес высказал серьезные опасения за судьбу взаимоотношений Восток-Запад и складывающегося нового миропорядка в случае распада

Советского Союза: «Говоря предельно откровенно, скажу, что в мире нет ни одного политического руководителя, который позволит развалить национальную территорию. Невозможно себе представить худшей ситуации для всех нас, если это произойдет в Советском Союзе. Это будет означать, что нам придется увязывать наши и без того трудно увязываемые и очень разнообразные интересы не с единым государством, а с восемью, а то и четырнадцатью партнерами. Такая ситуация привела бы к полному разрушению складывающейся инфраструктуры взаимоотношений Восток-Запад, к развалу формирующегося нового мирового порядка».

Полностью осознавая опасность такого разворота событий, Гонсалес подтвердил Горбачеву свою позицию: он последовательно выступает за предоставление СССР кредитов, «чтобы помочь преодолеть кризис наличных денег и запустить механизм рыночной экономики». В этой связи Гонсалес подчеркнул: «Считаю необходимым, чтобы за эти кредиты отвечал единый партнер - центральное правительство, которое берет на себя всю полноту ответственности за их использование».

Идейная близость и доверительность отношений с Горбачевым позволили Гонсалесу откровенно объяснить, что решение о финансовой помощи не находит общей поддержки лидеров Запада, поскольку они озабочены неясностью политической ситуации в СССР. Более конкретно речь шла о фактическом отсутствии механизмов правового регулирования социально-экономической сферы, ослаблении позиций центральной власти, столкнувшейся с вызовом сепаратизма республик - прежде всего РСФСР, а также о недостатке согласия политических сил, выступающих на стороне реформ.

Ф. Гонсалес: «СССР - страна с огромным экономическим и интеллектуальным потенциалом, беспрецедентным территориальным размахом. Это один из величайших рынков мира конца этого - начала будущего века. Все это понимают. Но остается главное препятствие -

отсутствие единых правил игры. ... Должен быть арбитр, который обеспечит соблюдение правил... Второй аспект, на котором я хотел бы остановиться: решающей проблемой ближайших месяцев и лет остается структура распределения власти в Союзе... И в прессе, и в некоторых политических кругах Запада возникает немало вопросов. Иметь ли дело с Россией, или с Союзом?.. При масштабах ваших задач и характере предстоящей реформы абсолютно необходим консенсус всех реформаторских сил».

Гонсалес, безусловно, поддерживал горбачевскую концепцию перестройки. Он ясно видел, что политика Горбачева полностью вписывается в важнейший процесс современности – «в движение к единому мировому сообществу» и что одновременно эта политика вызывает революционные перемены в самом советском обществе. А Горбачев нашел в лице Гонсалеса единомышленника, который ясно сформулировал суть эпохальных, социал-демократических по своему направлению преобразований, осуществляемых в перестройку.

Ф. Гонсалес: «То, что сегодня происходит в Советском Союзе, процессы внутренней трансформации, которые называются перестройкой, являются самым важным историческим феноменом всего XX века, включая и то, что произошло в 1917 году... Революция 1917 года - начало раскола мира на две антагонистические системы. Появление двух альтернативных моделей открыло фактический путь попытке создать третью модель - социал-демократия, нацизм, фашизм. Сегодня же суть революции, происходящей в мире, состоит в движении к единому мировому сообществу... Вы идете на глубочайшую революцию, которая когда-либо была в вашем обществе».

«Вы правы. Именно глубочайшая революция», - согласился с Филипе Гонсалесом Михаил Горбачев.

«Мы не можем идеализировать окружающий нас мир».

27 октября 1990 г. в Мадриде в рамках официального визита Президента СССР в Испанию состоялась вторая беседа М.С. Горбачева с Председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом. В ней участвовали министры иностранных дел Э.А. Шеварднадзе и Ф. Ордоньес. (Запись беседы М.С. Горбачева с Ф. Гонсалесом. АГФ.)

Беседа, которая была полностью посвящена вопросу [о кризисе в Персидском заливе](#), еще раз продемонстрировала близость подходов М.С. Горбачева и Ф. Гонсалеса, когда дело коснулось политических решений, вызванных необходимостью разрешить взрывоопасную международную ситуацию.

Твердость и единство стран в отпоре агрессии в сочетании со стремлением к диалогу с разными силами, вовлеченными в конфликт; регулирующая роль ООН и выполнение ее решений «мирным политическим способом» (М.С. Горбачев) – все эти способы совладания с кризисом обсуждались и поддерживались Горбачевым и Гонсалесом.

М.С. Горбачев: «Необходимо признать, что... в международных отношениях переход от одного состояния к другому... не может проходить легко и просто.

... Мир в значительной своей части оказался един в понимании того, что необходимо действовать сообща и решительно. На новом этапе, в который вступает мировое сообщество, нельзя допустить прецедента, который ставил бы под сомнение нашу способность решать подобные проблемы новыми средствами. В противном случае нас ждут в дальнейшем многочисленные опасности. Мы не можем идеализировать окружающий нас мир. Такие угрозы могут возникать и впредь. Именно поэтому мы пошли на тесное взаимодействие с США, с Европой. С первых часов возникновения кризиса и на всех последующих этапах мы стремились к сотрудничеству, и от этого нельзя отступать. Нельзя допустить раскола в мировом сообществе по этой проблеме. Тут - главное. При анализе ситуации я исхожу из двух принципиальных моментов. Нужно на политических путях достичь провозглашенных в ООН целей, чтобы, во-первых,

продемонстрировать способность Объединенных Наций добиваться выполнения своих решений мирным политическим способом. Во-вторых, все должны понимать, что военный путь чреват серьезнейшими последствиями.

Правильнее всего сохранять два подхода: твердость и решительность, никакой торговли с Хусейном. И в то же время - искать какие-то элементы мирной развязки, нащупывать возможные шаги, дающие шанс на политический выход из конфликта.

... И у нас не должны чесаться руки, чтобы лишь бы начать как можно скорее действовать силой. Вот чем мы руководствуемся, активно подключившись к урегулированию конфликта.

... Нельзя говорить, что в этом конфликте мы проигрываем. Больше того, - и об этом я сказал Бушу - можно считать, что стратегически мы уже выиграли. Реагируя вместе на острейший международный кризис, мы пошли на полноценное сотрудничество. Такое раньше было просто немыслимо. ... Нам и дальше необходимо сохранять и наращивать единство в рамках этих подходов. Мы и впредь должны вести линию на твердый отпор агрессору, иначе будет заблокирован путь к новому международному порядку.

... Мы с самого начала были против направления американских войск туда... Мы им сказали, что ввести войска - дело нехитрое. ... Необходимо искать быстрее способы политической развязки. По крайней мере, наш долг - исчерпать здесь все возможности. Это отвечает и требованиям морали».

Гонсалес подчеркнул, что «согласен с анализом», изложенным Горбачевым, «во всех его нюансах». Как и Горбачев, Гонсалес считал необходимым единство действий международного сообщества в усилиях по разрешению конфликта и в отношении регулирующей роли ООН: «Если все-таки не удастся избежать применения силы, то такое решение, безусловно, должно быть принято в ООН. Вообще требуется совершенствование механизма урегулирования международных конфликтов в рамках ООН. ... Хочу подчеркнуть - для разрешения конфликта абсолютно необходимо железное единство международного сообщества... Роль Советского Союза в данном контексте уникальна. Вы имеете единственный канал связи с

агрессором. Запад своими каналами выходит лишь на одну сторону в конфликте».

В поисках выхода из кризисной ситуации в Персидском заливе Горбачев и Гонсалес формулировали принципы политики, заложенные в концепции нового мышления и непосредственно связанные с продолжением политики перестройки. При этом Гонсалес специально подчеркнул, что перестройка в СССР и вызванные ею изменения в мире должны оставаться в центре международной повестки. По убеждению Гонсалеса, эти именно события и процессы определяли ближайшую и отдаленную перспективу международных отношений.

Ф. Гонсалес: «Главной проблемой для всего мира по-прежнему остаются отношения Восток-Запад, ключевые реформы, проходящие в Центральной и Восточной Европе, перестройка в Советском Союзе. А из-за кризиса в Заливе они как бы отодвигаются на второй план... Отношения Восток-Запад, с моей точки зрения, остаются главным направлением развития международных отношений».

Такое понимание приоритетов мировой политики Ф. Гонсалесом полностью совпадало с тем, как их оценивал М.С. Горбачев.

«Грандиозные перемены в мире требуют более деятельного вмешательства культуры в политику».

27 октября 1990 г. М.С. Горбачев выступил с речью на торжественной церемонии присвоения ему звания Почетного доктора Мадридского автономного университета и Университета «Комплутенсе».

Горбачев не говорил о социализме, но он выделил принципы проекта будущего, который рождается через переосмысление «всего прошлого опыта, в первую очередь двух мировых войн». Этот опыт «дал убедительные аргументы против политики силы» и со всей очевидностью поставил вопрос о

соотношении политики и морали. Ответом стало новое мышление, или «коренная перемена привычного взгляда на политику» и требование «адекватной времени культуры политики, основанной на безусловном признании приоритета общечеловеческих ценностей».

«Начиная с Возрождения, представления о культуре прочно связываются с гуманистическими ценностями. И именно через культуру началось затем сближение политики и морали, измерение политики по критериям нравственности. Правда, на протяжении веков история давала не раз ужасающие свидетельства несовместимости политики с моралью. Но именно культура, соединяющая людей не на интересе, а на признании самоценности человеческой личности, сближала эти два начала жизни общества

... Грандиозные перемены в мире, разумеется, не могут не затрагивать и всей сферы культуры, духовной жизни человечества. Мало того, они настоятельно требуют более деятельного вмешательства культуры в политику, большей за нее ответственности. По существу, назрела коренная перемена привычного взгляда на политику. Она должна стать искусством строить отношения между свободными людьми, народами, нациями, государствами на началах согласия, взаимодействия, партнерства». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 22.С. 357 - 358.)

По Горбачеву, «деятельное вмешательство культуры в политику», которое с необходимостью ведет к сближению политики и морали, закладывает основание будущего мирового порядка, «элементы которого пора вводить в политику сегодняшнего дня». В этом проступает глубинная связь с проектом будущего «для страны и мира» с гуманным, демократическим социализмом, или горбачевской идеологией перестройки.

«Идет самая настоящая политическая борьба, борьба за власть».

Советник М.С. Горбачева в 1988-1991 гг. В.В. Загладин в составленной им «Хронике внутривнутриполитических событий в СССР» периода перестройки

приводит оценку Горбачевым последних месяцев 1990 года как «времени больших шансов и больших опасностей», когда главным было - «сделать все для того, чтобы избежать сплошной гражданской конфронтации, раскола общества». *(В.В. Загладин цитирует в Хронике выступление М.С. Горбачева на встрече с народными депутатами-военнослужащими 13 ноября 1990 г.)*

5 ноября 1990 г. М.С. Горбачев заявил на заседании Президентского совета СССР о «необходимости стабилизации в стране и перехода к рынку».

Президент СССР опирался на то, что XXVIII съезд КПСС «подтвердил взятый курс, в том числе на рыночные реформы». Их противники внутри партии «были связаны решениями съезда», а в массе рядовых коммунистов и в обществе в целом «уже сложилось понимание необходимости и неотвратимости рыночных реформ» *(М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 1. С.564, 580)*. В то же время принятие конкретной программы перехода к рынку стало предметом принципиальных разногласий, предметом которых была не только экономика, но в первую очередь выбор социальной модели развития.

Поддержав правительственную программу [«Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике»](#) (программа [Рыжкова-Абалкина](#)), Президент СССР отстаивал политически взвешенную, социально ориентированную экономическую реформу. Он исходил из того, что, учитывая «в пределах возможного» позиции основных общественных сил и не допуская гражданского раскола, реформа не должна разрушать экономическое и политическое пространство союзного государства и подрывать основы общественного строя.

Такое понимание шло в русле идеологии и политики социал-демократического направления реформ. Оно совпадало с выбором модели общественного устройства, подразумевающей не только «экономический союз между республиками», но и «сохранение единого союзного государства

с регулирующими функциями и того, что можно назвать основами социалистического строя». (М.С. Горбачев. *Жизнь и реформы. Книга 1. С. 575-576.*) Принятие программы перехода к рыночной экономике рассматривалось Горбачевым как принципиально важный шаг на этом пути.

«Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике» предусматривают поддержание сложившихся хозяйственных связей в сочетании с первоочередными мерами по переходу к рынку, рассматривают их как важнейшее условие стабилизации экономики и перевода ее на новые условия хозяйствования.

... По сути дела, «Основные направления...» — это рубеж между дискуссиями и делами... Принятие, одобрение Верховным Советом «Основных направлений» кончило все дискуссии, когда была возможность всем высказаться, опубликоваться, дать интервью... Это рубеж. Дальше — все должны подчиниться. Если не подчиняются, если есть расхождения, если неприятие есть, то надо иметь человеческую порядочность и честность, чтобы сказать: да, я не могу с этим согласиться, для меня это неприемлемо, поэтому я ухожу в оппозицию и буду оттуда подвергать сомнению курс, который заложен в «Основных направлениях...».

... Мы можем до 13 ноября провести основные разговоры с ведущими республиками... Если ситуация будет такая, что этого согласия не получим, тогда мы пойдем по пути признания этих решений неконституционными и будем отменять их публично. Отменять! И действовать в рамках того, что есть — продвигать все практические дела для того, чтобы двигались процессы по реализации «Основных направлений...».

... Заканчивая свое выступление, Леонид Иванович Абалкин осудил попытки затеять новую дискуссию. И я скажу: мы должны сейчас просто покончить с дискуссиями. Нужно повернуть, взять в свои руки этот процесс. Потому что сейчас нужны дискуссии лишь о том, как реализовать «Основные направления...» (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений. Т. 23. С. 17, 24-25.*)

Отдавая должное идеям и предложениям [программы Шаталина-Явлинского \(программы «500 дней»\)](#), конкурировавшей с правительственной, М.С. Горбачев позже объяснял, что она обходила или

размывала вопрос о политическом и социальном устройстве будущего союзного государства.

«Программа Шаталина-Явлинского, признавая необходимость экономического союза республик, оставляла за скобками саму проблему сохранения их политического союза и была лишена четкого социального содержания. В ней не было даже упоминания о новом Союзном договоре.

Аргументировалось это авторами тем, что в ней политические вопросы вообще якобы не затрагиваются. Но тут-то и была «маленькая» хитрость. Непредвзятый анализ показывал, что программа фактически исходит из перспективы прекращения существования Союза как единого государства. Да вот только один пример — в программе предусматривалось введение одноканальной налоговой системы, при которой все налоги поступают в распоряжение республик, а затем по устанавливаемой ими квоте делаются отчисления в союзный бюджет. Без федеральных налогов немислимо существование федерального государства.

...Фактически программа «500 дней» как бы предопределяла принципиальные решения, которые были предметом переговоров по новому Союзному договору. Принятие ее с такой посылкой могло дать сильнейший толчок деструктивным, дезинтеграционным процессам, прежде всего в политической сфере. А это, в свою очередь, не могло не отразиться на экономике. Именно политические проблемы оказались камнем преткновения при определении возможности совмещения программ». *(М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 1. С. 576.)*

В.А. Медведев, рассказывая о процессе подготовки, обсуждения и принятия правительственной программы Рыжкова-Абалкина, выделяет компромиссный характер ее экономического содержания: «Принятый в конечном счете документ - Основные направления перехода к рынку — воспроизводит основное экономическое содержание программы Шаталина-Явлинского (программа «500 дней»), освободив ее от налета романтизма и эйфории, декларативности и излишней детализации и, что особенно важно, - от претензий на то, чтобы предопределять будущее Союза, содержание

Союзного договора». (В.А. Медведев. *В команде Горбачева. Взгляд изнутри*. С. 162.)

Подытоживая драматическую историю программы перехода к рыночной экономике, В.А. Медведев делает вывод: «Горбачев действовал в духе левоцентристской линии XXVIII съезда партии, рассчитанной на консолидацию перестроечных, реформаторских сил». (В.А. Медведев. *В команде Горбачева. Взгляд изнутри*. С. 163). Горбачев считал и неизменно заявлял, что фундаментом такой консолидации является сохранение единого государства на базе социалистического общественного строя.

16 ноября 1990 г. Верховный Совет СССР потребовал срочного обсуждения положения дел в стране. Выступая в этот день на сорок втором (утреннем) заседании Четвертой сессии Верховного Совета СССР, М.С. Горбачев заявил, что в стране идет борьба за власть.

«Я разделяю тревогу и обеспокоенность, которые были высказаны на сессии Верховного Совета. Положение в социально-экономической сфере, на потребительском рынке пока не улучшается, а осложняется, обостряется политическая ситуация в стране. Не снижается острота межнациональных отношений, а кое-где она приобретает опасный характер. Налицо давление деструктивных сил, препятствующих консолидации общества и выводу страны из кризиса.

Ясно, почему это происходит: идет самая настоящая политическая борьба, борьба за власть. В общем, это можно было бы считать нормальным, поскольку речь идет о реальностях нынешнего этапа развития нашего общества, но нельзя не видеть, что эта борьба приобретает конфронтационный характер, и ее участники не брезгают никакими средствами. В ход пущено оружие антиконституционных действий, открыто игнорируются законы, в обществе нагнетается напряженность. В ряде регионов страны появились политические силы с откровенно «коричневым» оттенком, и они тоже преследуют свои цели. Идет беззастенчивое манипулирование общественным мнением: звук митингового мегафона выдается за голос народа. Предпринимаются яростные попытки дискредитировать государственно-властные институты, которые воплощают в себе идею союзного федеративного государства, являются его стеновым хребтом, — Советы всех

уровней, армию, правоохранительные органы». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений. Т. 23. С. 112-113.*)

Проанализировав последние события, которые показывали негативное развитие политической ситуации, Горбачев связал это с начавшимся переходом от авторитарной политической организации государства и общества, воплощенной в монополии КПСС на власть, - к созданию демократических механизмов, «отвечающих новым задачам». Среди них первоочередной задачей Горбачев назвал переход от унитарного, сверхцентрализованного государства к реальному федеративному устройству Союза. Горбачев сделал акцент на том, что речь идет о едином процессе демократизации в рамках права, то есть об уходе «от старой структуры власти» и реформировании СССР. Он заявил, что срыв этой программы действий был бы чреват социальным и политическим хаосом.

«Раньше всю организацию власти, по существу, можно было описать одним словом — партия. Она пронизывала собой все: и государственные органы, и общественные структуры. Любые решения КПСС, освященные соответствующей конституционной нормой, являлись приказом, не подлежащим обсуждению. Это была жесткая, по-своему логичная, авторитарная система, которая, однако, не только не согласовывалась с демократическими принципами, но, как мы знаем, привела к колоссальным потерям и издержкам с точки зрения общественного прогресса страны. Мы сознательно ушли от нее, и пути назад нет. Но, уходя от старой структуры власти, мы пока еще не создали демократических механизмов, отвечающих новым задачам.

... Такое положение во многом связано с тем, что процесс формирования новой структуры совпал по времени с процессом преобразования нашего многонационального государства.

... Вопрос должен быть поставлен так: реализация законных и справедливых требований о праве на самоопределение, самоуправление, самостоятельное решение различных вопросов экономического, политического, культурного развития не должна выходить за разумные рамки. Чтобы из одной крайности — сверхцентрализации и диктата Центра — мы не впали в другую, может быть, даже худшую крайность — сверхразобщенность и

хаос. Признаки этого налицо». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23.С. 122, 123.)

«Я не думаю, что мы уже распрощались с отжившим. Мы еще должны идти этим путем».

28 ноября 1990 г. М.С. Горбачев выступил в Москве на встрече с деятелями культуры.

Он ясно дал понять собравшимся, что события в СССР вошли в решающую фазу - от того, как они будут развиваться, зависит настоящее страны и ее будущее на десятилетия вперед.

Обозревая путь, пройденный обществом с 1985года, Горбачев сказал, что результатом его стала концепция перестройки и нового мышления: она определяет внутреннюю и внешнюю политику страны, а ее краеугольным камнем является социалистическая идея в ее современном прочтении. Горбачев сослался на свою недавнюю беседу с Гонсалесом, которая еще раз убедила его в том, что только «осмысленный социалистический выбор», опирающийся на ценности «прежде всего свободы», демократии и справедливости, позволяет изменить политику, направив ее на создание новых форм жизни, «развернуть потенциал общества, человеческий потенциал». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 231.)

«То, что касается внутренних проблем, мы назвали перестройкой. И формулу простую выдвинули: больше демократии, больше гласности, больше человечности. В общем, все развернуть так, чтобы человек в этом обществе чувствовал себя по-человечески. Вот она, простая формула жизни.

... Мы договорились..., что мы хотим подлинного социализма, ибо для нас социалистическая идея не угроза. Я, например, убежденный социалист и в этом смысле привержен социализму глубоко... Это мои знания, это мои размышления.

Недавно провел огромную дискуссию на этот счет с Ф. Гонсалесом — тоже убежденным социалистом, который имеет свои знания, свои подходы, свой вариант размышлений. Но я вижу, что эта идея жива. Я ее не только по должности, как генсек, отстаиваю. Нет, я убежден: если это социализм — значит, это

прежде всего демократия. Если это демократия, то значит — свобода. Или, может быть, даже прежде всего свобода, а потом уже и демократия. Свобода политическая, свобода человеческая и духовная, свобода экономическая. И, конечно, больше справедливости. *(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 229-230.)*

Определяя направление в будущее, Горбачев особо выделил тезис о неприемлемости разрыва с поколениями, строившими социализм в СССР. Необходимость «освободить свое сознание от всего того, что мешало нам мыслить, а значит, и действовать» не равносильна огульному отрицанию прошлого опыта. Такое отрицание, - подчеркнул Горбачев, - означало бы потерю «капитальной точки опоры». Иначе говоря, продвижение советского общества к свободе было невозможно без трудной, болезненной работы понимания и объяснения его истории.

«Я что, должен, очищаясь, отвергая всю эту казарму, сталинщину, отказаться от своего деда, от своего отца, от того, что они делали? От поколений отказаться? Или они напрасно жили? Да мы с вами, я уже не раз говорил, не просто на болоте выросли, мы ведь имеем под собой капитальную точку опоры.

Но, тем не менее, надо и расстаться со многим. И прежде всего освободить свое сознание от той скованности, от всего того, что нас держало, мешало нам мыслить, а значит, и действовать. Вот это мы делаем. И делаем решительно. Я не думаю, что мы уже распрощались с отжившим. Мы еще должны идти этим путем. Но никогда, я думаю, мы не согласимся с теми, кто хочет вообще втоптать все в грязь, то, что мы делали десятилетиями, и наши отцы, и деды». *(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 232.)*

Откровенное, эмоциональное выступление на встрече с деятелями культуры с очевидностью показывало, что, отстаивая социалистическую идею, Горбачев опирался на достигнутое в советской истории, но одновременно обосновывал и отстаивал необходимость революционных для советского общества демократических преобразований. При этом Горбачев полностью отдавал себе отчет, что «самая большая сложность сегодня» состояла в том, как сохранить это направление при решении стоящих на

повестке дня политических и экономических задач исключительной сложности.

«...Если мы выбор сделали, и общество этот выбор сделало, то надо на этом главном направлении, в русле демократических преобразований и действовать. Они должны... привести нас к новому обществу. И надо идти... Я думаю, у нас самая большая сложность сегодня. Надо справиться, выйти через новые процессы в политической сфере, через реформирование нашего Союза, через реформирование отношений собственности — к новому качеству, на новые формы жизни.

Я... считаю, что в нашем... обществе, как оно развивалось, сложилось, частная собственность не будет господствующей, народ не примет ее. Я исхожу из этого. Будет акционер, будет приватизация... Я так понимаю приватизацию: ...через акционерные формы, через аренду, а потом, может, и совсем следует выкупить [собственность]... Надо отдать людям эту собственность. Пусть они управляют ею и распоряжаются своим продуктом. Это и есть форма приватизации.

Наша задача — соединить социалистический подход с частным интересом через модернизирование отношений собственности. И тогда у нас будет смешанная экономика: государственная собственность, собственность акционерного общества и т.д. В общем, будет кооперативная, народная и будет в какой-то форме и в какой-то части и частная собственность.

... Переход будет совершаться и в отраслях по-разному, и в республиках, и в регионах, потому что разный уровень, разная психология, разный опыт, разная готовность к рынку и т.д. Исходные позиции совершенно разные! Значит, надо дать базу, принципиальные правовые, экономические предпосылки, рамки, так сказать, очертить, а дальше — то самое творчество масс. Можно не понятие «масс» употребить, а людей, коллективов трудовых, объединений и т.д. Это самый сложный процесс в таком огромном обществе.

...Размышляя над всем этим, я убежденно пришел к следующему соображению и высказал его — это была довольно рискованная идея, не было согласия по отношению к ней, борьба шла острая, но, тем не менее, я выдвинул эту формулу, и она теперь вошла в оборот: союз суверенных государств. Кстати, я выдвинул, но не я ее сформулировал. В 22-м году она уже звучала... Ведь это государство тысячу лет формируется как многонациональное. И это наложило отпечаток на все, на всех нас.

... Если начнем делиться — будет война. Страшная война будет, столкновения будут. Поэтому надо всем четко занять позицию: не можем разделиться. И не можем армию делить, ядерное оружие — это может обернуться катастрофой не только для страны. Для всего мира». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 232, 233, 234, 235.)

«Мы имеем концепцию перестройки на всех главных направлениях. Это и есть наш путь в рамках социалистического выбора».

Признавая, что страна проходит через «самый ответственный момент отечественной истории», М.С. Горбачев прилагал огромные усилия к тому, чтобы КПСС, продолжая процесс внутривнутрипартийного обновления, опиравшийся на решения XXVIII съезда, обеспечивала сохранение перестроечного курса. Генеральный секретарь ЦК исходил из того, что КПСС оставалась не только правящей партией, но и единственной в стране политической силой, имевшей в тот период основательную идеологическую и теоретическую базу. Ее составляли проверенные «опытом цивилизации» идеи «творчески понятого социализма» и концепция перестройки, выстраданная «собственным историческим опытом», учитывающая «сегодняшние возможности нашего общества». (Из выступления М.С. Горбачева на встрече с представителями студенчества 1 ноября 1990 г. // М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 22. С. 407.)

29 ноября 1990 г. М.С. Горбачев выступил на XXVIII конференции Московской городской парторганизации.

Горбачев ставил перед КПСС сложнейшую задачу: в непривычных для партии условиях усиливающейся политической и идеологической борьбы использовать свое правящее положение, чтобы, оставаясь «в рамках социалистического выбора», стать лидером реформ — «продвинуть страну к новым горизонтам».

Это означало, что КПСС, утратив монополию на власть, оказавшись в ситуации конкуренции, должна была «вырабатывать свою политическую позицию» и, опираясь на реформаторские силы в самой партии и в обществе, «эффективно действовать как авангардная политическая сила».

Как и в своих выступлениях на XXVIII съезде, Горбачев назвал главным механизмом реформирования КПСС «становление первичных партийных организаций». Это означало рост влияния коммунистов-руководителей парторганизаций и их рядовых членов на принятие политических решений.

«Партийное влияние, роль партии, ее функции изменились, хотя цели остаются неизменными, как мы их определили в рамках концепции перестройки. Мы не можем эффективно действовать как авангардная политическая сила, если не позаботимся о становлении первичных партийных организаций. Это, пожалуй, главное, тут ключ к тому, чтобы партия набирала силы».
(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 250.)

Горбачев особо выделил роль партии в том, чтобы изменить модель общественного устройства, «которая привела нас к тотальному государству, отчуждению человека от собственности и власти, перекрыла обществу кислород». Он призвал коммунистов ясно осознать, что партия и все общество решают «труднейшую задачу... перехода от одного уклада его жизни к другому». От того, как она будет решена, зависит «судьба не только нашей страны, но и ход событий в Европе и во всем мире». Однако в такой исторический момент, когда жизненно необходимы продолжение политических реформ и реорганизация системы власти, происходит торможение процессов «обновления, динамизации, реформирования партии» - важнейшего звена политической системы. Президент СССР прямо назвал это одной из главных причин «паралича власти», абсолютно неприемлемого в ситуации, когда на повестке дня стояло реформирование Союза.

«Переход от одного качества общества, уклада его жизни к другому, ...представляет труднейшую задачу в таком обществе — триста миллионов людей, сто народов, огромное хозяйство,

оборона, внешнеэкономическая ответственность. Может быть, самую трудную в XX веке. Это центральный пункт в мировой политике. То, что произойдет у нас, что мы сотворим, во многом будет определять судьбу не только нашей страны, но и ход событий в Европе и во всем мире.

...Но положение сильно обострилось. Тут и продовольствие, и конфликты в международных отношениях, и правовой нигилизм, и «война законов». Что привело к параличу власти, каковы его причины? Мы уже делали анализ и на российском съезде, и на XXVIII съезде КПСС, и на вашей конференции. Это прежде всего просчеты в деятельности центральных органов, Центрального Комитета, в том числе Генерального секретаря, Президента в реализации принимаемых решений. Я думаю, что эти трудности также в слабости партии, в том, что отстали процессы ее обновления, динамизации, реформирования. Слабость партии сказалась и на процессах в новой системе Советов, которые набирают силу, но пока что не оправдали надежд, с которыми мы связывали прогресс общества.

Признав необходимым на определенном этапе ввести институт президентства, мы его как бы встроили в существующую структуру, не затрагивая другие звенья власти. Получились параллелизм, дублирование, неясность, мешанина. Выход, как я уже не раз говорил, заключается в реорганизации системы власти. Естественно, остаются выборные органы, но должна быть и эффективная исполнительная власть в форме президентского управления с Кабинетом Министров, утверждаемым по согласованию с Верховным Советом.

Надо так перестраивать власть, чтобы это органично включилось в процесс реформирования Союза. Нужен полнокровный Совет Федерации, который объединял бы руководителей республик и в рамках которого можно было бы определять основные направления политики, принимать важнейшие решения, чтобы не возникало конфликтов между суверенными республиками, республиканскими и союзными органами. Отношения должны быть самые четкие: выборные органы, начиная от Верховного Совета, определяют линию, ставят цели, а дальше — дело исполнительной власти

... Мы видим выход из нынешней ситуации в быстрейшем реформировании Союза на основе нового Союзного договора. Проект его опубликован, это — база для того, чтобы решить все проблемы, которые накопились в стране, главное — правильно распределить полномочия.

Выдвинутая концепция Союза суверенных советских республик — это последний окоп, дальше — развал со всеми негативными последствиями». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 250, 251, 252.)

Горбачев доказывал, что, только пройдя через процесс обновления, партия может стать гарантом того, чтобы механизмы права («ценовые механизмы, социальная защита, индексация доходов, контроль, служба трудоустройства») работали на этапе перехода к рынку, который займет определенный период времени, когда будет происходить реформирование собственности.

«Самая большая трудность, встававшая перед социалистами всех поколений, — как соединить социализм с интересом... Вот говорят о рынке. Рынок — это логическое завершение реформирования собственности. Пусть будет государственная собственность, но на правах полного хозрасчета. Кстати, у нас этого еще нет, и колхоза по-настоящему ни одного не было. Часть людей предает анафеме колхозы и совхозы, а они никогда не были свободны, и мы не знаем, что заложено в этом строе. Поэтому выбор один: решили взять в свои руки предприятия — действуйте, чтобы через акционирование они перешли к рабочим, а не к мафии. Думаю, народ не допустит, чтобы то, что создавалось трудящимися, ушло куда-то на сторону. Начинать с аренды, а потом, может быть, получив прибыль, люди выкупят предприятие, и оно будет народным, их собственностью. Но тогда интерес уже другой: как работаем, так и живем. Раз появляются собственники, может возникнуть и частная собственность; я все-таки представляю, что это будет мелкая собственность.

Она будет решающей только в определенных сферах, где не работают как надо кооператив, государственный сектор. Но если собственники распоряжаются своим продуктом, им надо выходить друг к другу, искать сырье и т.д. — появляется рынок. Так что главное — реформирование собственности, а рынок — это уже производное. Нужны ценовые механизмы, социальная защита, индексация доходов, контроль, служба трудоустройства». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 252-253.)

Горбачев последовательно продолжил линию на утверждение в партии курса на демократический социализм - открыто заявленную на XXVIII съезде

КПСС и поддержанную большинством его делегатов. Горбачев повторил, что это означает последовательное отстаивание партией курса перестройки. Он заявил: «Сила, способная объединить людей, поддержать преобразования, — это наша партия». (*М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 253.*)

При этом Горбачев понимал, что КПСС переживает внутренний раскол. Обращаясь к московским коммунистам, он делал ставку на реформаторские силы в ЦК КПСС и первичных партийных организациях, способные проводить линию перестройки «на всех главных направлениях —...в сфере экономики, политической системы, реформирования Союза, нашего многонационального государства, обновления самой партии, вооруженных сил и т.д.». Горбачев считал, что отказ партии от монополии на идеологию может «обернуться другой, новой монополией», если не будет реформирован и сохранен СССР.

«Мы имеем концепцию перестройки на всех главных направлениях — что мы хотим в сфере экономики, политической системы, реформирования Союза, нашего многонационального государства, обновления самой партии, вооруженных сил и т.д. ЦК должен дать ориентиры на базе этих направлений. Это и есть наш путь в рамках социалистического выбора, на путях движения к гуманному, демократическому социализму. А вот что конкретно делать завтра — надо думать самим.

Так что давайте... отбросим «перестроечный стереотип», что, мол, нет новых идей. Дело сейчас не в новых идеях, а в реализации того, что уже выдвинуто за эти годы, и прежде всего — решений XXVIII съезда. Сейчас время обогащения той политики, которую мы выработали, а главное — ее воплощения в жизнь, практической работы.

... Важно, чтобы отказ партии от монополии на идеологические средства не обернулся другой, новой монополией... Для нас сегодняшний Союз — это тот, который зафиксирован действующим Основным Законом страны, всех ее 15 союзных республик. При всех проблемах и трениях из этого мы исходим и будем исходить. Определенные силы пытаются воспользоваться острой ситуацией, когда накалены страсти части коренного населения, чтобы реализовать свои амбициозные планы. ... Мы... будем вести линию на сохранение нашего многонационального

государства на основе его реформирования, чтобы в конечном счете гармонизировать интересы всех людей, каждого человека, каждой семьи». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 253-254, 255, 256.)

«Главное сейчас — вопрос о власти».

4 декабря 1990 г. М.С. Горбачев выступил на Четвертой сессии Верховного Совета СССР. Он представил предложения об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления.

«Наиболее существенные изменения касаются новой роли Совета Федерации. Из совещательного органа при Президенте он превращается в важнейшее звено в системе органов высшей государственной власти и управления, причем наделяется широкими полномочиями. Совет будет рассматривать все крупные вопросы общесоюзного значения, обеспечивать согласование деятельности союзных и республиканских органов власти, способствовать разрешению споров и урегулированию конфликтных ситуаций.

... Принципиальное новшество связано с тем, что отныне союзная исполнительная власть будет сосредоточена в руках Президента. Этим обусловлено превращение нынешнего Совета Министров в Кабинет Министров, который будет подчинен Президенту.

... В проекте Закона имеется в виду введение в структуру власти и управления новых органов, которые будут осуществлять функции контроля за исполнением законов и указов Президента. Главный смысл создания Государственной инспекции заключается в том, чтобы гарантировать жизнеспособность механизма исполнения принимаемых решений. В проекте лаконично определены функции Вице-президента СССР. Речь идет о человеке, который должен быть по существу «правой рукой» Президента, выполнять самые различные его поручения. Кроме того, на вице-президента возлагается обязанность руководить Государственной инспекцией. В новой системе органов высшей власти свое место призван занять Совет безопасности, который будет выполнять крайне важные для всего общества и государства функции, входящие в компетенцию Союза ССР». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 260-261.)

Газета «Известия» писала, что «слово «паралич» применительно к органам власти звучит в устах Президента и главы союзного правительства». В статье утверждалось, что «вопрос о реконструкции власти действительно назрел, и решать его надо». Вместе с тем высказывались опасения, что «деление власти не может быть бесконечным, и после очередной дроби она может утратить свои основные признаки». (*«Известия», 1990, 5 декабря.*)

Вопрос о реорганизации системы власти и ее дееспособности выходил на первый план в связи с работой над концепцией нового Союзного договора. В дневниковой записи Г.Х. Шахназарова от 8 декабря 1990 г. - о встрече М.С.Горбачева с рабочей группой по подготовке его доклада на Съезде народных депутатов СССР - приводятся слова Горбачева: «главное сейчас — вопрос о власти». (*М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23.С. 308*)

Реформирование Союза «никоим образом не меняет принципиальной ориентации на социализм».

10-11 декабря 1990 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Он рассмотрел вопросы о концепции Союзного договора и практической работе Центрального Комитета. М.С. Горбачев выступил на Пленуме с докладом и заключительным словом.

Горбачев заявил, что, несмотря на «многообразие устройства республиканских органов власти и управления», Союзный договор должен иметь «общий фундамент»: его образуют «принципы, изложенные в первой части проекта Союзного договора, — демократия, права человека и общечеловеческие ценности, социальная справедливость и защищенность, экономическая свобода, многообразие форм собственности». (*М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23.С. 317.*) Это означало, что реформирование Союза «никоим образом не меняет принципиальной ориентации на социализм» - она

сохранится независимо от того, какое название государства в конечном итоге будет закреплено в новом Союзном договоре.

«В проекте договора нашли сильное выражение те идеи и принципы, которые мы связываем с социализмом, его гуманистической, демократической природой... Поставлен вопрос об изменении названия Союза. Очевидно, этот вопрос не должен стать препятствием для подписания нового Союзного договора какой-либо республикой. Приводится и такой довод: в мире почти нет государств, в название которых вводилась бы характеристика социального устройства. Вопрос этот еще не закрыт, но, как бы он ни был решен, это, повторяю, не будет означать изменения природы нашего государства и направленности его политики. Они остаются социалистическими, ориентированными на социальную справедливость и защищенность, на обеспечение интересов всех трудящихся». *(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23.С. 319.)*

В заключительном слове на Пленуме М.С. Горбачев указал на недопустимость того, чтобы оппозиционные силы в КПСС, подвергнув сомнению решения XXVIII съезда, в том числе его программное заявление, продолжали дебаты об «ориентирах», уводившие партию от практической работы в область «перманентной дискуссии».

«Не могу отделаться от впечатления, что нас пытаются втянуть в перманентную дискусию по внутрипартийным вопросам, подталкивают вместо практических дел в это ответственное время к самоедству. Ставится под сомнение всё, в том числе документы, принятые XXVIII съездом. После того как мы почти год дебатировали, прошли все конференции, съезды, вышли на программное заявление, в котором определен подход к актуальным направлениям внутренней и внешней политики, занята позиция, опять говорят: нет ориентиров. Что, уже устарели решения XXVIII съезда, его оценки и теоретические выводы, программа действий, которую он выработал? Работать надо, товарищи! Работать всем нам — Генеральному секретарю, Политбюро, Секретариату, всем обкомам, крайкомам, первичным партийным организациям. Действовать на всех направлениях, отталкиваясь от политических установок, которые мы с вами выработали». *(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23.С. 322.)*

Говоря об итогах 1990 года, А.С. Черняев особо обращает внимание на решительность и упорство, с какими М.С. Горбачев продолжал настаивать на обновлении партии в духе демократического социализма и выстраивать роль КПСС как одной из опорных конструкций перестройки: «Он не жалел усилий, чтобы заставить партию служить делу перестройки. И это – несмотря на все срывы, неудачи и разочарования, которые преподносил каждый пленум ЦК, почти каждое заседание Политбюро, каждая встреча с партийными «генералами». Партия в этот год стремительно превращалась в открытого врага преобразований по-горбачевски. И особенно это бросалось в глаза в верхних ее эшелонах – в Политбюро, в Центральном Комитете, в аппаратах всех уровней, в обкомах». (А.С. Черняев. *Совместный исход. Дневник двух эпох 1972-1991 годы*. С. 895.)

«В рамках социалистического выбора мы выступаем за глубокое реформирование нашего общества».

В «Хронике внутривнутриполитических событий в СССР» В.В. Загладин перечисляет события декабря 1990 г., которые выступали очевидными знаками того, что политическая ситуация предельно напряжена. [Эти события](#) частично предшествовали Четвертому Съезду народных депутатов СССР, а частично произошли во время его работы.

17-27 декабря 1990 г. М.С. Горбачев принял участие в работе Четвертого Съезда народных депутатов СССР, выступив на нескольких его заседаниях.

В первый же день работы Съезда М.С. Горбачев заявил об «угрозе великому делу, за которое мы взялись пять лет назад и которое создало предпосылки для глубокого обновления страны, в мире в целом».

Горбачев назвал ситуацию критической, обозначил ее причины и путь к преодолению кризиса. Он дал ясно понять, что движение к цели перестройки – гуманному, демократическому социализму – требует преобразований,

глубина и сложность которых не были до конца осознаны ни властью, ни обществом. Однако кризис, перед лицом которого они оказались, нельзя преодолеть, признав ошибочным замысел перестройки. Горбачев предупреждал, что ценой отказа от перестройки будут «усиление разлада, разгул черных сил, распад государственности».

Высказанная Горбачевым на Съезде оценка разрушительных последствий кризисной ситуации была обусловлена резко усилившейся угрозой целостности государства.

Горбачев открыто признал «крупные ошибки и просчеты», допущенные в ходе экономической и политической реформ. Он внес предложения о поправках к Конституции и проведении в стране референдума по вопросу о сохранении СССР.

«Съезд одобрил мои предложения о поправках к Конституции, предусматривавших учреждение кабинета министров вместо Совета министров и ряд других мер по укреплению исполнительно-распорядительной власти, которые были необходимы перед лицом углубления кризиса в стране. Поскольку разгорались дискуссии и конфликты, остро затрагивающие целостность страны, судьбы Союза, нового Союзного договора, я настоятельно предложил передать этот главный вопрос на непосредственное решение народа. Съезд согласился с моим предложением и принял постановление о проведении референдума СССР по вопросу о сохранении Союза как обновленной федерации равноправных суверенных государств».
(М.С. Горбачев. Наедине с собой. С. 554.)

Горбачев заявил о необходимости ввести программу восстановления порядка в стране, опираясь на сильную власть, «действующую на основе законности», чтобы обеспечить «стабильность и гражданский мир, преодолеть кризисную ситуацию», исключив «методы неограниченной диктатуры и произвола». Горбачев высказал свое глубинное убеждение в том, что гарантией сохранения демократического вектора является продолжение курса перестройки с ее принципиальной ориентацией на «обновление общества в

рамках социалистического выбора, на путях движения к гуманному, демократическому социализму». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 345). Горбачев решительно выступил против попыток изменить это направление, сделав рынок и частную собственность целью всех преобразований. Он был уверен в том, что «курс на изменение общественного строя» означает уход с пути демократизации и построения правового государства.

«Во многом ситуация объясняется глубиной кризиса, в котором оказалось наше общество задолго до 1985 года, и, конечно, огромностью и сложностью преобразований, которые мы осуществляем на пути к гуманному, демократическому социализму.

... Мы должны защищать перестройку — этот тезис я сразу провозгласил как главное, в чем я вижу задачу нынешнего Съезда. В реальной ситуации, в которой проходит этот наш Четвертый Съезд, когда на пределе все мы, все общество, мы должны либо подтвердить наш выбор, либо менять курс. По сути дела, вопрос стоит так. Расхождения в тактических решениях, в темпах перестройки — это, в конце концов, процесс жизни, поисков, согласований... Нам надо защитить этот курс, несмотря на все издержки, просчеты, ошибки, которые обернулись тяжелыми последствиями и за которые надо отвечать. Я не уйду от ответственности, но вижу, что моя ответственность прежде всего в том, чтобы довести этот курс до логического конца, чтобы он обернулся позитивными результатами для всего общества.

... Настало время всем партиям, группировкам, платформам ясно и четко сформулировать свои политические программы. Народ должен знать, кто действительно стоит за обновление социализма, а кто под шумок пытается протащить курс на изменение общественного строя. Рынок нам нужен не сам по себе, а для того, чтобы вернуть интерес человека к продуктивному, творческому труду. Собственность при ее реформировании останется в руках народа. Порядок, на укреплении которого настаивает рабочий класс, не имеет ничего общего с диктатурой. Это обязательное условие выхода из трудностей, продвижения по намеченному пути». (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 343, 374, 377.)

На признании демократического социализма общественным ориентиром на будущее основывалась позиция, которую отстаивал Горбачев на Съезде в дискуссиях о проекте Союзного договора. Генеральный секретарь ЦК КПСС был убежден, что реформирование Союза в рамках социалистического выбора - это краеугольный камень позиции партии. Последнее было четко сформулировано им при обсуждении названия нового Союза.

«В докладе о положении в стране мною в порядке законодательной инициативы (согласно статье 114 Конституции СССР) внесено предложение о проведении референдума СССР по выяснению отношения населения страны к частной собственности на землю и к сохранению обновленного Союза как федерации равноправных Суверенных Советских Республик.

... Если вы вернетесь к моему докладу, там мое предложение будет отличаться от того, что сейчас предлагается. Но это не случайно: там вносилось предложение о Союзе Суверенных Советских Республик, здесь же есть упоминание «социалистических». Съезд свою позицию занял, и я присоединяюсь к этой позиции Съезда и вношу изменения.

... В моем докладе на Пленуме Центрального Комитета партии, когда обсуждалась и выработывалась позиция ЦК по отношению к проекту Союзного договора, этот вопрос был главным, потому что это все волновало общество... В рамках социалистического выбора именно мы выступаем за глубокое реформирование нашего общества, в том числе и нашего Союза как многонационального государства. Здесь, по-моему, все ясно. Более того, я говорил, что вопрос о сущности общественного строя, наверное, будет раскрыт (и это правильно) в самой Конституции. (М.С. Горбачев. *Собрание сочинений*. Т. 23. С. 380, 382-383.)

«Социалистические идеи еще многое дадут цивилизации».

28 декабря 1990 г. М.С. Горбачев беседовал с делегацией японской газетной компании «Асахи симбун».

Отвечая на вопросы японских журналистов, Горбачев подвел итоги уходящего года, в целом повторив вывод, который он сделал, выступая чуть

больше месяца назад, 19 ноября, в Париже, на Совещании глав государств и правительств — участников СБСЕ.

Заявив тогда о знаковом характере Парижской встречи, Горбачев назвал 1990 год «решающим в уходящей эпохе, которая отмечена двумя мировыми войнами и почти полувековым ядерным антагонизмом двух общественных систем». (*М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 153*). Он очертил в своей речи образ будущего мира, в котором принципы нового мышления определяются гуманистической, демократической природой социализма. Важнейшим показателем и условием движения к такому миру Горбачев назвал исторические перемены, происходившие в Советском Союзе.

«Мы вступаем в мир иных измерений, где общечеловеческие ценности приобретают одинаковое для всех значение, где свобода и благо человека, самоценность человеческой жизни должны стать и основой всеобщей безопасности, и высшим критерием прогресса.

... Среди главных изменений в мире — это общепризнано — исторический поворот в Советском Союзе: от тоталитаризма к свободе и демократии; от командно-бюрократической системы к правовому государству и политическому плюрализму; от государственной монополии в экономике к равноправному многообразию собственности и рыночным отношениям; от унитарности к Союзу суверенных государств, основанному на принципах федерации». (*М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 153, 153.*)

Во время беседы с делегацией японской газетной компании «Асахи симбун» Горбачеву был задан вопрос: «не затушевывается ли грань между социализмом и капитализмом», поскольку в СССР осуществляется переход к рынку? И не значит ли это, что в процессе реформирования СССР «перестройка, как считают на Западе, идет несколько вправо»?

Горбачев обосновал социалистический выбор, положенный в основание концепции перестройки, с позиций нового мышления, которое стремится «избегать догматических и абсолютных суждений».

Это означает, сказал Горбачев, что «понятия и “социализм”, и “капитализм” имеют за собой историческую и современную реальность». Хотя начавшийся в СССР переход к рыночной экономике «не снимает различий между социализмом и капитализмом», в рамках социалистического выбора открывается возможность использовать опыт рыночных отношений, не подменяя рынком цель преобразований. Она определяется приоритетом развития человека, его свободы, прав и гражданской активности.

Горбачев назвал себя «убежденным сторонником социализма» и высказал уверенность в том, что социалистические идеи необходимы для настоящего и будущего цивилизации.

«Начатый нами переход к рыночной экономике... не означает, что мы заимствуем социально-экономическую и политическую логику капитализма.

И, кроме того, ни в одном обществе никогда не было, тем более нет сейчас «чистого» капитализма. Серьезную эволюцию претерпели формы и капиталистической собственности, и экономической, социальной политики, которые подчас заимствованы из социалистического арсенала.

В свою очередь современная социалистическая идея отнюдь не означает отрицания, отбрасывания того, что достигнуто человеческой мыслью и практикой в условиях капитализма, включая и опыт рыночных отношений.

Но рынок для нас — не самоцель. Не следует путать цели и средства. От такого смещения в прошлом мы сильно пострадали. С точки зрения социализма, истинной целью является Человек, его место в обществе, его развитие. Именно это определяет всю линию нашей перестройки.

... Существо нашей концепции перестройки состоит в том, что мы реформируем и обновляем наше общество в рамках социалистического выбора. И мы глубоко убеждены, что через перестройку, через демократизацию политического процесса, экономики, всей духовной сферы, через демократизацию наших межнациональных отношений мы не только не уходим от социализма, но, наоборот, становимся ближе к нему. Союз Советских Социалистических Республик — великая традиция. Вместе с тем — это и приверженность определенному выбору, цели.

Я убежденный сторонник социализма. Думаю, что социалистические идеи еще многое дадут цивилизации». *(М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 23. С. 419-420, 423.)*

В период сентября – декабря 1990 года, когда в стране шла открытая борьба за власть, М.С. Горбачев неуклонно отстаивал свою позицию: уход от тоталитарной модели общественного устройства, который происходил в перестройку, отнюдь не тождественен отказу от социалистической идеи. И по мере того, как центром политической повестки становилось реформирование СССР на основе нового Союзного договора, вопрос о социалистической природе государства приобретал для Горбачева все большую значимость.